

УДК 94(470.51)

*Е.В. Кустова***ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДИ УДМУРТОВ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.: НА МАТЕРИАЛАХ ЖИЗНИ ИГУМЕНА ФЕОДОТА (ИВШИНА)**

Рассматриваются факторы, определявшие степень успешности миссионерской деятельности в среде удмуртов в середине XVIII в. Главное внимание уделено влиянию личности проповедника на примере одного из первых миссионеров северных удмуртов – игумена Феодота (Ившина). Через призму его деятельности показаны те качества, которые позволили ему успешно проводить обращение удмуртов в православие. Рассматриваются его отношения с вятским епископом Вениамином (Сахновским), Казанской новокрещенской конторой. Показана государственная и церковная политика по этому вопросу, которая создавала условия для деятельности миссионеров. Исследовались те проблемы, с которыми столкнулся проповедник в миссионерской деятельности. Проанализированы конкретные результаты его миссионерской деятельности по строительству храмов, созданию первых удмуртских приходов и крещению язычников. Также рассматривается последний этап жизни Ф. Ившина после принятия монашества, его деятельность в качестве настоятеля вятских монастырей. Указаны причины исчезновения активных проповедников в Вятском крае во второй половине XVIII в.

Ключевые слова: Вятская и Великопермская епархии, миссионерская деятельность, удмурты, язычество, православие, игумен Феодот (Ившин), Новокрещенская контора, личностный фактор.

XVIII век, век Просвещения, открыл новую страницу в миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Начиная с Петровской эпохи, крещение нерусских народов, проводившееся ранее по инициативе отдельных представителей духовенства, стало частью государственной церковной политики. Эта задача была особенно актуальна в Вятском крае, где проживало немало инородцев, исповедовавших преимущественно язычество.

Однако, даже имея поддержку светских и духовных властей, эта деятельность практически не оплачивалась и потому требовала особых качеств от тех, кто вступал на путь обращения в христианство местных народов. В миссионерской деятельности личностный фактор всегда имел особое, а зачастую и ведущее значение. Его роль отмечали еще дореволюционные исследователи. Так, Н. А. Фирсов и Е. А. Малов справедливо связывали ускорение темпов христианизации нерусского населения Среднего Поволжья в 1740-е гг. с выдающимися миссионерскими способностями членов Новокрещенской конторы и епархиальных архиереев [22; 25].

Одним из самых известных миссионеров, проповедовавших среди удмуртов Вятского края в XVIII в., стал священник Федор Филиппович Ившин (ок. 1709–1797), позднее принявший монашество с именем Феодот. В его жизни преломился почти весь спектр трудностей и проблем, с которым сталкивались миссионеры середины XVIII в.

Целью данной статьи является рассмотрение на примере жизни одного из видных миссионеров роли субъективного фактора в процессе крещения удмуртов, а также анализ личных характеристик проповедников, которые определяли степень успешности миссионерской деятельности в середине XVIII в.

Впервые о жизни священника Феодора Ившина рассказал его современник, лично знавший проповедника, первый вятский историк А. И. Вештомов [16. С. 159–161]. Позднее о нем писали П. Н. Луппов, Е. Ф. Шумилов и др., но они опирались в основном на материалы Вештомова [19. С. 142–143; 21. С. 168; 27. С. 289; 28. С. 339].

По словам А. Вештомова, родился Федор Ившин в с. Закаринье в 1703 г. [16. С. 159] Правда, более ранние документы дают дату ок. 1709 г. [8. Д. 3. Л. 41 об.]. Приблизительны и данные о месте его рождения. Перепись 1710 г. не указывает среди вятских сел и деревень с. Закаринского – вероятно, что в то время оно еще не было основано, хотя по мнению П. Н. Луппова, оно появилось не позднее 1708 г. [18. С. 153]. Его дед Спиридон Ившин упоминается в 1710 г. в Чепецком тяглом стане. Он жил недалеко от Волче-Троицкого погоста в д. Давыдовской Косаткиной напротив озера Подборного: «во дворе Федор Никитин сын Косаткин 40 лет... да с ним же живет складник Спиридон Иванов сын Ившин 50 лет у Спиридона жена Ульяна Анисимова дочь 40 лет, у них дети Софрон 3 лет, Ксения 10 лет» [11]. Также по более поздним сведениям он являлся крестьянином архиерейской Бобинской вотчины.

Сведения об отце будущего миссионера встречаются в описи Верхочепецкого Крестовоздвиженского монастыря за 1735 г. Среди братии обители упоминается иером. Феодосий (в миру Филипп Спиридонов сын Ившин). Он родился в 1685 г. в д. Зоновской Хлыновского у., в архиерейской вотчине. 9 мая 1717 г. преосв. Дионисий посвятил Филиппа Ившина в священники Богородицкой церкви с. Рождественского Закаринской вол. Хлыновского у. Так Ившины из крестьянства перешли в духовное сословие. Став вдовцом, в 1733 г. он был пострижен игуменом Павлом в Верхочепецком монастыре в монашество, где продолжил свое служение [6. Д. 49. Л. 1 об.].

Что же касается его сына Федора, он рос в среде верхочепецких удмуртов, что позволило ему узнать основы удмуртского языка, обычаи и нравы этого народа. Не позднее 1729 г. он женился. Чем он занимался в молодые годы и на что содержал семью – неизвестно [20]. Отец был человеком грамотным и обучил грамоте сына. В 1737 г. он стал служить причетником в храме. Но вскоре жизнь Федора была омрачена чередой испытаний. Его как нестихарного дьячка по закону забрали рекрутом в армию, правда, через две недели возвратили на прежнее место. Из-за бедности прихода он был вынужден наняться работником на сплавных судах соликамских соляных промыслов. Вернувшись на родину, Федор стал работать мирским писарем у верхочепецких удмуртов, что позволило ему еще лучше узнать этот народ.

Духовное происхождение Федора вместе с прекрасным знанием удмуртского языка обратило на него внимание еп. Вениамина (Сахновского) (1739–1742). Главным делом вятского архиерея стало обращение в христианство удмуртов, за что его даже называли «апостолом вотяков». Он лично ездил в удмуртские жилища и многих привел к вере [16. С. 159; 23. С. 96-97]. Известно, что еще с начала XVIII в. вятское и казанское духовенство начало предпринимать организованные попытки крещения нерусских народов. Первое упоминание об обращении в христианство удмуртов относится к правлению владыки Алексия (Титова). Из Синода тогда были присланы подробные указания, как надо действовать при обращении иноверцев в православие. Но практичный Алексий, избегая «разглагольствия», приказал священству «хотящим ко крещению велеть изучить молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас; второе: Владычице наша, пресвятая Богородице, спаси нас; третье: святии вси, молитв Бога о нас; а как добре научатся сему, крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа». Правда, успехи на этом поприще были более чем скромными. Так, при еп. Алексии к 1723 г. было крещено всего 59 человек [19. С. 111].

Масштабная миссионерская деятельность началась только при еп. Вениамине. Особо значимые изменения в деле миссии произошли после указа 11 сентября 1740 г. [10]. Он был создан «для умножения христианского закона и вящего утверждения в вере новокрещенных инородцев». Этим указом в городе Казани учреждалась особая Новокрещенская контора, на которую возлагалась задача обращения в православие народов Поволжья и Прикамья, и создавались благоприятные условия для этой деятельности.

Началось массовое крещение удмуртов. Однако удмурты-христиане жили разрозненно, в их селах даже не было церквей – лишь несколько часовен. Для масштабной миссионерской деятельности были нужны храмы и священники, знавшие удмуртский язык, но в епархии не было ни того, ни другого. Своим помощником в этом деле архиерей сделал Федора Ившина, посвятив его еще в 1740 г. в священники родного для него с. Закаринского. Первый православный приход для удмуртов решено было учредить в с. Елово, расположенном в 150 верстах от г. Хлынова. Вместе с Федором Ившиным владыка заложил и по построению освятил здесь деревянный храм во имя Св. Троицы с приделами, посвященными двум христианским миссионерам – апостолу Андрею Первозванному и святителю Стефану Пермскому [16. С. 159-160; 23. С. 97-98]. Строительство церкви было начато 14 июня 1741 г. и велось на средства и силами новокрещенных удмуртов, которых к этому времени насчитывалось 640 человек, а также крестьян Верхочепецкого монастыря. На создание первой новокрещенской церкви Казанская новокрещенская контора не выделила средств, поэтому о. Феодору приходилось использовать недюжинные организаторские способности для ее постройки. Главный престол в честь Св. Троицы был готов к освящению в 1747 г., в то время как приделы освятили раньше: Андреевский – 27 ноября 1741 г., а Стефановский – в 1744 г. [19. С. 141-144; 26].

По желанию крещеных удмуртов о. Феодор как «единственный знаток вотского языка» 18 июля 1741 г. был назначен еп. Вениамином настоятелем нового храма [2. Д. 15. Л. 192 об.]. Ившин оказался человеком большого природного ума, ревностным в вере, настойчивым и энергичным. Он оправдал доверие архиерея и вскоре зарекомендовал себя как «первый и главный просветитель северных вотяков».

Село Елово стало опорным пунктом для миссионерской деятельности среди удмуртов. Христианская проповедь стала постепенно расширяться. 1741-1746 гг. стали наиболее успешным периодом в миссионерской деятельности Вятского края в XVIII в., когда были крещены десятки тысяч человек. Только за 8 месяцев 1746 г. было крещено около 10 тыс. человек. Однако с 1747 г. эта деятельность заметно ослабевает [19. С. 146, 150]. Массовость крещения в это время историки справедливо связывают со внешними условиями – проведением ревизии, рекрутскими наборами, а порой и с насильственными действиями со стороны местных чиновников. Принятие православия позволяло освободиться от многих повинностей, получить денежные выплаты и налоговые льготы. Но нельзя не учитывать в этом процессе и субъективного фактора, в частности, заинтересованность в этом вятских владык и инициативу некоторых представителей вятского и казанского духовенства.

Так, владыка Вениамин оказывал всяческую помощь и поддержку о. Феодору. Он не менее двух раз приезжал к удмуртам, крестив во время первой поездки 120 человек, а во второй раз – 89 человек. Желая, чтобы крещеные удмурты видели искренность и долговременность планов епархии, он приказал построить в с. Еловском дом для своих приездов [19. С. 142, 144]. Также он ходатайствовал перед Синодом о том, чтобы оставить новокрещеным льготы и привилегии [10]. Такое отношение не прошло бесследно – удмурты приезжали к вятскому архиерею целыми семействами и просили крестить. При крещении многие из них получили фамилию Владыкин и отчество Вениаминов – как крещеные самим владыкой Вениамином, а другие – Ившин – по фамилии крестившего их иерея Феодора. Причем крестил о. Федор удмуртов не только в с. Елово, но и окрестных селах: Дебесском, Уканском и пр. [2. Д. 8. Л. 456; 4. Д. 3. Л. 690, 694, 707, 708, 709 об., 721, 721 об.; Д. 4. Л. 867 и др.]. Владыка Вениамин требовал, чтобы «крещаемые» знали следующие молитвы: Иисусову молитву, «Символ веры», «Отче наш» и «Богородице Дево радуйся», и ходили бы постоянно к церковным службам. А священники должны были наблюдать, чтобы «некрепко утвердившиеся в вере паки не винулись в свое погибельное суевие» [19. Л. 100, 127].

Еще одним ярким примером влияния субъективного фактора в ходе миссионерской деятельности стало посещение вятских удмуртов в 1744–1745 гг. управляющим Казанской новокрещенской конторой архим. Сильвестром (Гловатским). Поскольку он не знал удмуртского языка, он ездил по новокрещенским жилищам вместе с о. Феодором Ившиным, который был в качестве переводчика и толкователя увещательных грамот. Всего за эту поездку было крещено до 5 тыс. человек. После поездки по вятским приделам архим. Сильвестр предложил построить четыре новые церкви в деревнях Верхний Укан, Полом, Понинской и Ежской. В 1746 г. хлыновский прот. Петр Миронов предложил открыть еще шесть приходов: Кругловский, Балезинский, Чутырский, Глазовский, Ухтымский, Дебесский. В определении мест будущих приходов не последнее значение имело мнение о. Феодора. Таким образом, должно было действовать 12 новокрещеных приходов. К концу 1747 г. был построен только один храм, остальные лишь к 1751 г. Затем и этот первоначальный запал угас – вплоть до 1764 г. среди вятских удмуртов вообще не было открыто ни одного нового прихода, хотя количество новокрещеных продолжало увеличиваться [19. Л. 146, 157-158]. Так, например, образованный при поддержке о. Феодора приход в с. Уканском в 1744 г. имел 23 деревни и 135 новокрещенских дворов, по сведениям 1747 г. дворов уже числилось 262, а в 1768 г. – 407 [14].

Как обычно протекала миссионерская деятельность? Члены Казанской новокрещенской конторы ездили по удмуртским селениям в сопровождении переводчика и нескольких гарнизонных солдат. Приезжая в деревню, они прочитывали на деревенских сходках так называемые увещательные грамоты, в которых иноверцам предлагалось принять крещение, обещалась за это денежная награда и льготы в податях и повинностях; толмач в случае нужды растолковывал иногородцам на их языке содержание грамоты.

Отец Федор, как правило, ездил по селениям без военной поддержки и сам общался с удмуртами на их родном языке. Знание языка помогало ему в миссионерской деятельности. По словам М. Г. Атаманова, «если человек благодатной жизни, силою Духа Святого, обогатившись надеждою (Рим. 15:13), начинает говорить понятным, доступным языком, уважая человеческое достоинство, зная быт, нравы народа, то, конечно, внимание к его словам увеличивается, интерес к проповеди усиливается, проповедника Христова начинают любить и уважать» [13]. Отца Феодора называли «смирнотолковым проповедником веры, безбоязненно являвшимся со своей проповедью и среди волноулавливающей толпы народной, и пред грозными властями языческими» [23. С. 99]. Это сближало о. Феодора с подвигом свят. Стефана Пермского, который, не имея административных и иных рычагов дав-

ления на иноверцев, силой своего авторитета и примером личной веры, благодаря знанию родного языка коми и их традиций и верований, привел к православию пермяков и стал создателем пермской азбуки.

П. Н. Луппов писал о Ф. Ившине: это «человек большого природного ума, предприимчивый и энергичный. Сделавшись священником вотскаго прихода, состоящаго из множества деревень с весьма значительным количеством язычников при ничтожном числе христиан, он поставил своею задачею обращение в христианство остальных вотяков. Возбуждаемый и поощряемый преосвященным, он вложил в это дело всю свою ревность и энергию; не щадя своих сил, подвергая по временам опасности свою жизнь, он постоянно разъезжал по вотскому краю и увещевал вотяков принять крещение» [19. С. 143]. Причем крестил о. Феодор не только удмуртов, но и бесермян [1. Д. 1. Л. 234].

Вскоре у него появились помощники из среды удмуртов. Так, в 1746 г. было разрешено новокрещенному удмурту Заоградской слободки Верхочепецкого Воздвиженского монастыря Ивану Дмитриеву Поздееву «для полезного душеспасения из иноверцев увещевать и обращать во святое крещение обще села Еловского со священником Федором Ившиным» [1. Д. 1. Л. 124, 125 об.]. Личность помощника и переводчика тоже имела немаловажное значение. Так, печально известен пример другого удмуртского толмача этого времени – Хлыновского посадского человека Тимофея Трефилова. Поскольку ему не было назначено жалования, он вскоре начал вымогать деньги у удмуртов, чем вооружил их против себя [19. Л. 145].

Во время крещения о. Феодору приходилось сталкиваться со многими проблемами. С одной стороны, некрещенные единоплеменники часто завидовали и вредили крещеным, поскольку те получали особые льготы. С другой стороны, «нередко лакомые до денег раза по два и по три в разных местах крестились». Особой болью миссионеров стало то, что новокрещенные удмурты становились христианами формально, по-прежнему отправляя языческие культы или в лучшем случае пытались соединить в своей жизни новую и старую веру [23. С. 99].

Более того, далеко не все удмурты с радостью принимали проповедника. Немало было тех, кто, ревностно охраняя традиции своей веры, активно боролся с о. Феодором. Его многократно изгоняли, жестоко избивали, организовывали против него заговоры и покушения, но он настойчиво продолжал свою деятельность. Подобные испытания требовали от проповедника не только веры и ревности в деле христианского просвещения, но и огромного терпения, любви, трезвой рассудительности и личного мужества.

В «Истории» Вештомова рассказывается о следующем случае. Когда о. Феодор с прибывшим к нему архим. Сильвестром (Главатским) приехал в с. Вотское (ныне г. Глазов), собралось около 500 некрещенных удмуртов, которые решили расправиться с проповедником. «Собравшись... с дреколием, обступили тот дом, где архимандрит со священником находился, и стали извне запирали двери и закупоривать окна, с тем намерением, дабы зажечь дом и истребить Ившина... При таковой опасности Ившин вырвавшись из дому, стал среди вотяков и начал увещевать их по-прежнему; но воть, имея намерение совсем другое, кричали друг другу, чтоб его бить. При слухе сего поколебалось великодушие Апостола. Он из среды толпы ялся бегу, и, прорываясь сквозь обступивших, получил между прочими не столь опасными ударами один в голову столь действенной, что напечатление онаго осталось у него на всю жизнь». Придя в себя, Ившин направился дальше, в с. Укан: «...встречен был и здесь некрещенною вотию с таковым же расположением, как и в прежнем жительстве; но гроза для трусливой впрочем воти, при сем случае с ним бывшая, т.е. два гарнадера (гренадера. – *Авт.*), данные ему архимандритом, привела одним своим видом во усмирение целые сотни ея (удмуртов. – *Авт.*)» [16. С. 160-161].

Но присутствие военных было для него исключением, а не правилом. Обычно он приходил в удмуртские селения один, полагаясь скорее не на свои силы, а на помощь свыше. В летописи Крестовоздвиженского монастыря описывается еще один случай, когда о. Феодор чудом избежал смерти, во многом благодаря своей смелости и находчивости: «...Однажды вотяки, испытав, что ни угрозами, ни жестокими побоями не могут избавиться от него, решили, наконец, убить его, и когда он пришел в их селение для просвещения веры Христовой, то они бросились на него с копьями. Видя себя в опасности, проповедник, однако, не потерял присутствия духа, но, вынув указ, которым поручено было ему от начальства обращать вотяков к вере, он покрыл им голову и сказал, что он не страшится смерти, напротив, радуется, если потерпит мученическую кончину. К этому прибавил, что он сожалеет их, ибо, дерзнув изорвать Указ Царского Величества, который он держат на голове, они подвергнуты бу-

дут жестокой казни. Вотяки побоялись коснуться царского указа и не сделали проповеднику никакого вреда. Впрочем, в другое время он много потерпел от их побоев; голова его была в ранах, и под старость он лишился зрения и слуха» [9. Л. 1 об.].

Но отношения даже с крещеными удмуртами не всегда складывались гладко. В 1744 г. новокрещеные удмурты написали жалобу в Вятский духовный приказ, в котором сообщали, что священники, в том числе и служивший в с. Елово Феодор Ившин, не выдали им билеты, за которые удмурты получали 3-летнюю льготу на подати, а также жаловались на иные «обиды», причиняемые им о. Феодором [2. Д. 6. Л. 120]. В 1749 г. новокрещеные Верхочепецкой верхней доли Дмитрий Перевощиков с товарищами донесли на о. Феодора в духовную консисторию, обвинив его «в чинимых от него к ним новокрещеным несносных нападках и взятках» [1. Д. 1. Л. 299]. Порой возникали сложности и с русским населением. Так, в 1746 г. на о. Феодора священником из соседнего села был написан донос с серьезными обвинениями [2. Д. 8. Л. 481-485].

Несмотря на различные доносы и испытания, о. Феодор не отказался от служения проповедником. Подвергая свою жизнь постоянной опасности, он крестил удмуртов «большими толпами» и за 7 лет обратил в христианство по одним сведениям ок. 2 тыс. человек, по другим – до 10 тыс. человек [2. Д. 15. Л. 192; 9. Л. 1 об.]. Даже при жизни о. Феодора духовные власти признавали, что он «...по ревности своей имел во увещании и привождении ко святому крещению отяков первенство» [2. Д. 8. Л. 484 об.]. Он участвовал в организации многих приходов, вводил богослужение на удмуртском языке. Феодор стал духовным отцом сразу для нескольких организованных им приходов, в том числе в Елово, Понино, Глазове, Укане, Балезино [16. С. 160–161]. Хорошо изучив удмуртский язык, он явился одним из создателей удмуртской грамматики. Благодаря миссионерской деятельности, имя Феодора Ившина стало одним из самых значимых в истории Удмуртии XVIII в.

Однако внешние обстоятельства, а именно смерть супруги в 1748 г., заставили о. Феодора изменить свою жизнь. По традициям того времени у вдового священника забиралась грамота, дававшая ему право служить. 20 марта 1749 г. он лишился священнического места в с. Елово и 22 апреля того же года подал прошение о пострижении. После этого он был отправлен на полгода в «искус» в Успенский Трифонов монастырь. Достоинство проведя в монастыре испытательный срок, в том же году о. Феодор был пострижен с именем Феодот, и уже 3 октября того же года новопостриженный иеромонах был назначен строителем (настоятелем) Верхочепецкого Крестовоздвиженского монастыря [2. Д. 11. Л. 348, 710 об.; Д. 15. Л. 192 об.]. Строитель поначалу был хорошо принят местным населением в новом качестве. Уже в следующем году «Крестовоздвиженского монастыря вотчин старосты Ивана Дранишникова да выборного Зиновья Смолянинова со крестьяны» обратились к еп. Антонию с прошением возвести строителя иеромонаха Феодота в звание игумена «...по его состоянию и житию честному и до экономии прилежно тшательному». 10 мая 1750 г. архиерей разрешил это посвящение «...для лутчаго в том монастыре в церковном священнослужении благолепия и всяких монастырских и вотчинных дел исправления» [5. Д. 71. Л. 735].

Назначение игумена Феодота настоятелем Верхочепецкого монастыря не было случайным: монастырь располагался в 20 верстах от с. Елово, где он служил, он хорошо знал здешних крестьян, в том числе и из среды новокрещеных. Более того, Верхочепецкий монастырь был своеобразным форпостом в крещении удмуртов в 1720–1760-е гг. [19. С. 100, 111, 117, 127, 141, 144, 158]. Здесь проповедник вполне мог продолжить свою миссионерскую деятельность. Однако, имея огромный опыт и возможности, он больше не занимался миссионерской деятельностью, по крайней мере, сведений об этом не обнаружено.

Причинами можно назвать множество проблем, которыми ему приходилось заниматься как настоятелю, а также частые конфликтные ситуации. На протяжении 1751–1752 гг. в консисторию практически ежемесячно поступали или доношения игумена Феодота по разным возникающим проблемам, или жалобы на него, причем в большинстве случаев доносы были необоснованными [1. Д. 1. Л. 362-362 об., 366, 438 об., 469-469 об., 475 об., 490-492, 575 об., 598]. Поток жалоб вынудил консисторию принять следующее решение в июне 1752 г.: «За имеющимися ссорами все того монастыря вотчинныя крестьяне просят о перемене (игумена Феодота. – *Авт.*), не соблаговолено ль будет ис того Верхочепецкого монастыря перевести на место покойного игумена Индиса в Верхъязвенской Богородицкой или ж в Хлыновской Подгородной Богословской монастырь игуменом» [1. Д. 1. Л. 580-580 об., 618-619].

Последующая жизнь игумена Феодота напоминала скитания: в условиях частого отсутствия настоятелей вятские архиереи постоянно переводили его из монастыря в монастырь. Несмотря на

связанные с именем о. Феодота конфликты, вятские владыки доверяли ему как человеку опытному и не искушенному в делах управления. В июне 1753 г. он упоминается настоятелем Подгородного Богословского монастыря [2. Д. 15. Л. 192 об.], в августе того же года – наместником Успенского Трифонова монастыря [2. Д. 15. Л. 287, 326], а в январе-мае 1754 г. – вновь игуменом Подгородного монастыря [1. Д. 1. Л. 647; 5. Д. 130. Л. 1]. Позднее он снова стал настоятелем Верхочепецкой обители.

Игумен Феодот много заботился о благоустройстве вверенных ему обителей. Так, в Подгородном монастыре еще с 1730-х гг. велась постройка каменной церкви во имя апостола Иоанна Богослова. К 1754 г. храм был завершен, оставалось украсить его иконостасом и иконами. Для этой цели о. Феодот попросил у еп. Антония провести сбор по епархии, что владыка благословил, а также попросил выдать ему жалование, положенное по закону за время управления новокрещенским приходом, и передать деньги в пользу этой постройки [2. Д. 15. Л. 192–193 об.; 5. Д. 130. Л. 1-1 об.]. Находясь в Верхочепецком монастыре, он предложил начать там каменное строительство, но из-за отсутствия средств его инициатива была отклонена. Ему удалось только перенести в 1759 г. на новый деревянный фундамент над Святыми воротами церковь Тихвинской иконы Божией Матери [15. С. 7].

Однако и в эти годы не все в его жизни было спокойно. 3 октября 1761 г. в Вятской духовной консистории началось следствие. Причиной стала жалоба крестьян Крестовоздвиженского монастыря, которые обвинили игумена Феодота в «обидах» и «притеснениях». В ходе следствия выяснилось, что приговор сочинили заочно прибывшие в монастырь 6 человек. По словам же самих монастырских крестьян, приговора они не сочиняли, об о. Феодоте отзывались как о хорошем игумене и просили его оставить во главе обители. Тем не менее из-за произошедшей ссоры епархиальное начальство решило его уволить на обещание в Успенский Трифонов монастырь [2. Д. 20а. Л. 278-279, 281]. Правда, уже на следующий год, 2 июля 1762 г., игумен Феодот (Ившин) был переведен на место покойного игумена Германа в Чердынский монастырь [2. Д. 20а. Л. 434], а 8 апреля 1768 г. стал настоятелем заштатной Верхъязвенской пустыни [3. Д. 820. Л. 12].

Что же касается последних лет его жизни, в 1771–1776 гг. он вновь упоминается заштатным игуменом в Успенском Трифоновом монастыре, причем во время отсутствия в монастыре настоятелей, исполнял должность наместника [2. Д. 25. Л. Л. 215; Д. 30. Л. 424 об.; Д. 31. Л. 576; 11]. Иногда архиереи просили престарелого игумена последить в их отсутствие за Архиерейским домом «...для соблюдения чина, порядка и благонадежности», чтобы среди монахов не было «непорядка и безчиния и паче пианства» [7. Д. 531. Л. 1].

В 1780, 1781 и 1788 гг. он вновь упоминается в Крестовоздвиженском монастыре на покое, причем около 1781 г. был там обворован [5. Д. 478. Л. 123; Д. 495. Л. 37 об.; 9. Л. 1 об.-2 об.]. Но скончался он в Успенском Трифоновом монастыре в 1797 г. в глубокой старости в возрасте около 90 лет. Похоронили игумена Феодота согласно его завещанию в удмуртском с. Елово «под церковным настилом, за правым клиросом». Вятские архиереи чтили его память и, приезжая в Елово, совершали молитвы над его могилой [16. С. 159; 24].

«Родственники и свойственники» игумена Феодота продолжили служение среди удмуртов. Его дочь Елена (ок. 1729–1788) вышла замуж за Кузьму Широкина (ок. 1731–до 1781), ставшего сначала пономарем в с. Елово (с 3.09.1746, по другим сведениям – с 8.12.1748) и затем служившего там священником [2. Д. 8. Л. 325; 20]. Также у игумена был сын Сидор (ок. 1741 г. р.) [8. Д. 2. Л. 44; Д. 3. Л. 41 об.] и внук Стефан Исидоров Ившин (1759–1822), служивший настоятелем в с. Елово [24]. Отец Стефан продолжил служение среди удмуртов, но его деятельность не выделялась на общем фоне служения других священников в новокрещенских приходах.

Следует отметить, что проповедников такого уровня, каковым был Ф. Ившин, в Вятской и Великопермской епархии в середине XVIII в. было немного. Условия, в которых он проводил миссионерское служение, были относительно благоприятными: подобная деятельность имела поддержку со стороны светских и духовных властей. Все это позволило раскрыться миссионерским способностям о. Феодота.

В процессе миссионерской деятельности вятское духовенство сталкивалось со множеством проблем: непостоянством в этом вопросе государственно-церковной политики, сильным противостоянием удмуртов крещению, отсутствием церковных книг на удмуртском языке (не говоря о создании новокрещенских школ), ограниченностью выделяемых средств на миссионерскую деятельность. Однако даже в таких сложных условиях знание удмуртского языка и традиций этого народа, опыт общения и жизни в среде удмуртов, ревность и твердость веры, личное мужество сделали Ф. Ившина,

наряду с другими проповедниками, одним из самых успешных миссионеров XVIII в. Мирный характер проповеди, почти полный отказ от традиционной в то время поддержки со стороны солдат и местных органов власти, готовность принять смерть – указывали на силу христианской веры в глазах удмуртов. Подлинная христианизация была невозможна без знания миссионерами родного языка, без звучащей проповеди и службы на родном языке, и начало этому процессу во многом было положено Ф. Ившиным. Кроме того, он родился в крестьянской семье, познал в жизни нужду и поэтому был гораздо ближе по духу и образу жизни к простому народу, чем другие представители приходского духовенства.

В то же время, став игуменом Верхочепецкого монастыря, который тесно был связан с традициями миссионерской деятельности, Феодот (Ившин) не смог, подобно Чердынскому игумену Иову (Тукмачеву), проповедовавшему в те годы среди вогулов [17. С. 14-17], продолжать свою прежнюю деятельность. Это было время, когда миссионерская деятельность после невиданного всплеска пошла на спад. Но сыграл здесь роль, по-видимому, и личностный фактор. Одной из главных причин стали многочисленные конфликты игумена Феодота с крестьянами, которые возникали отчасти из-за жесткого, а порой и своенравного характера настоятеля, равно как и из-за внутренних противоречий в среде русского и удмуртского крестьянства, породивших многочисленные жалобы на игумена. В результате духовные власти были вынуждены переводить игумена в другие вятские обители. Тем не менее его огромный опыт, незаурядные организаторские способности проявились и в управлении вятскими и пермскими монастырями.

Во второй половине XVIII в., и особенно в последней трети столетия, миссионеров, подобных игумену Феодоту, на Вятке практически не встречалось. Одну из причин этого П. Н. Луппов видел в характере священников, служивших в новокрещенских приходах, а также проповедников, должность которых была введена в 1764 г. вместо упраздненной в том же году Новокрещенской конторы. При чем на обширную Вятскую епархию был выделен только один проповедник. В отношении первых историк писал: «Духовенство, чтобы не навлечь штрафа на себя, должно было употреблять принудительные меры... или же обращаться за содействием к светской власти... Воздействие светских властей и было в XVIII в. главным способом утверждения в христианстве». В отношении же вторых он полагал, что основной функцией проповедников стал надзор за религиозной деятельностью новокрещенных, носивший зачастую формальный характер. Поэтому деятельность по обращению в христианство удмуртов в этот период, наряду с другими причинами и факторами, не имела значительных результатов [19. С. 209, 244-245].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 1.
2. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 2.
3. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 74.
4. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 75.
5. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 76.
6. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 81.
7. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 85.
8. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 70.
9. Государственный архив Кировской области. Ф. 430. Оп. 1. Д. 190.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. № 8236.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 422.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 55. Д. 16. Л. 14 об.
13. *Атаманов М., протоиак.* Великий просветитель удмуртского и других народов Волго-Камья. URL: http://seminaria.bel.ru/pages/mo/2004/mo11_st_4.htm
14. *Булдакова Е.* Первые дни христианства в селе Укан и его приходе. URL: <http://sp-18.ru/2011/05/pervye-dni-xristianstva-v-sele-ukan-i-ego-prihode/>
15. Ведомости о церковном строении города Хлынова Кафедрального собора, Крестовой церкви и штатных монастырей Вятской и Великопермской епархии за 1768 год // Тр. Вят. Учен. архивной комиссии. 1915. Вып. 2-3. Отд. 2.
16. *Вештомов А. И.* История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране местничества, или с 1181 по 1781-й год чрез 600 лет. Казань, 1907.
17. Игумен Иов Тукмачев и М. Е. Финицкий – просветители чердынских вогуличей // Тр. Вят. Учен. архивной комиссии. 1905. Вып.1. Отд. 3.

18. *Луппов П. Н.* История вятских сел // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. Киров, 1995.
19. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899.
20. *Любимов В. А.* Из словаря Вятской родословной А. Грина // А. С. Грин. Взгляд из XXI века. (К 125-летию Александра Грина). Киров, 2005. URL: <http://sloblib.narod.ru/grin/popravka3.htm>
21. *Любимов В.* Ившин Федор Филиппович (в монашестве Федот) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 6: Знатные люди. Киров, 1996.
22. *Малов Е. А., прот.* О новокрещенской конторе. Казань, 1878.
23. *Очерки истории Вятской епархии (1657–2007)*. Киров, 2007.
24. Священник Феодор Ившин (По книге Е. Ф. Шумилова «Христианство в Удмуртии XVI – начало XX века»). URL: http://missia-udm.eparchia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=288:sviashennik-fedor-ivshin&catid=45:istoriia-missii&Itemid=76
25. *Фирсов Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время. Казань, 1869.
26. Храм Св. Троицы в с. Елово (историческая справка). URL: http://www.udmeparhia.ru/arrivals/region/glazov/glazov_523.html
27. *Шумилов Е. Ф.* Династии иереев // Христианство в Удмуртии. Ижевск, 2001.
28. *Шумилов Е. Ф.* Ившин Федор // Удмуртская Республика: энциклопедия. Ижевск, 2008.

Поступила в редакцию 17.04.13

E.V. Kustova

PERSONAL FACTOR IN MISSIONARY WORK AMONG THE UDMURTS IN THE MIDDLE OF THE XVIIIth CENTURY: DESCRIBED IN THE MATERIALS OF LIFE OF IGUMENS THEODOTUS (IVSHIN)

The article discusses the factors that determined the degree of success of missionary work among the Udmurts in the middle of XVIIIth century. The main attention is paid to the influence of personality of a preacher by way of an example of one of the first missionaries of the northern Udmurts – the abbot Theodot (Ivshin). In the light of his activities the qualities that enabled him to successfully baptize Udmurts are shown. The article also discusses his relationship with Bishop of Viatka Benjamin (Sakhnovski), and Kazan Novokreschenskaya office. The state and church policy on this issue, which created the conditions for the activities of missionaries, is shown. The problems faced by the preacher in his missionary activity are specified. The results of his missionary work on the construction of temples, creation of the first Udmurt parishes and baptism of the Gentiles are analyzed. The article deals with the most recent phase of life of F. Ivshin after the adoption of monasticism, his work as an abbot of the Vyatka monasteries. The reasons for the disappearance of active preachers in the Vyatka region in the second half of the XVIIIth century are given.

Keywords: Vyatskaya and Velikopermskaya diocese, missionary activity, Udmurt, paganism, Orthodoxy, Abbot Theodotus (Ivshin) Novokreschenskaya kontora, the personal factor.

Кустова Елена Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент
Вятский государственный гуманитарный университет
610002, Россия, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: kustovael@yandex.ru

Kustova E.V.,
Candidate of History, Associate Professor
Vyatka State University of Humanities
610002, Russia, Kirov, Krasnoarmeyskaya st., 26
E-mail: kustovael@yandex.ru